

Отзыв официального оппонента на диссертацию С.Г. Тамбовцевой
«Религиозный фольклор духоборцев: история и ритуальный контекст»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.09 – фольклористика

Рассматриваемая работа представляет несомненный научный интерес. Несмотря на то, что изучению конфессиоанальных сообществ и конкретно духоборцам в последние несколько десятилетий был посвящен ряд важных работ, тема ни в коей мере не может считаться исчерпанной или даже просто хорошо изученной. Особенно следует отметить, что, поскольку духоборческие общины в том или ином виде продолжают существовать и развиваться, их современная жизнь, катехизаторская и экзегетическая традиция, круг порождаемых или используемых ими текстов нуждаются в синхронном описании и изучении.

Большой интерес диссертация вызывает в частности тем, что в нейдается вполне удачный диахронический анализ репертуара духоборческих текстов с первых лет существования течения до недавнего времени. Здесь мы имеем тот редкий случай, когда сочетание «история фольклора», вынесенное в заглавие работы, оказывается исполненным смысла.

С.Г. Тамбовцева опирается в своем анализе на введенное Брайаном Стоком понятие текстуального сообщества: «Члены подобного сообщества полностью или частично неграмотны, и их доступ к тексту опосредован; таким образом, формирование религиозной группы происходит не вокруг текста, а вокруг идеи текста, круга его значений, вырабатываемого, усваиваемого и поддерживаемого в коллективном взаимодействии. Само наличие прецедентного текста становится легитимирующим и верифицирующим фактором для той социальной новации, которую зачастую представляет собой подобная религиозная группа» (с. 36). Использование этого понятия оказывается крайне продуктивным для описания специфики духоборческой герменевтики, ритуальных практик и символического поведения. При этом С.Г. Тамбовцева, понимает текстуальность шире, чем Брайан Сток, и вслед за Дэвидом Бартоном обращается к понятию «вернакулярной грамотности», которое с одной стороны, помогает уйти от парадигмы «грамотный – полуграмотный – неграмотный» и взглянуть на проблему шире, а с другой – уйти от более или менее однозначного разговора о религиозном фольклоре духоборцев как о явлении строго устной культуры. Напротив, автор выразительно показывает, как изначально устная традиция с декларативным отказом от письменности постепенно приходит к использованию письменных практик и как эти практики становятся важным инструментом поддержания традиции.

Важным для исследования является подход фольклору духоборцев с точки зрения его прагматики, коммуникативной функциональности и перформативности. Автор стремится показать, что тексты, ритуальные действия, практики, а также конфликты, взаимодействие, социальные акции суть единое целое, могут выражать одни и те же смыслы и подпитывать друг друга. В частности, обращаясь к работам Линды Дэг и Эндрю Важони, С.Г. Тамбовцева использует сформулированное и описанное ими явление остенсии применительно к духоборческой среде и интерпретирует с опорой на эту теорию некоторые важные события в истории духоборства.

Поставив перед собой задачу рассмотреть духоборческую культуру «в контексте Нового времени, эпохи Просвещения, нациостроительства,

секуляризации, позднесоветского модернистского проекта» (с. 40), автор рассматривает это религиозное течение не только как явление конфессионального плана, но в его взаимосвязи с более широкими социальными, историческими, культурными процессами (в частности такими, как толстовство, народничество, нациостроительство и др.) в российском обществе XVIII – XXI вв., что дает возможность увидеть это явление не как маргинальное «сектантство», а как закономерное и важное для российской истории направление религиозной и общественной мысли.

Крайне интересным представляется раздел, посвященный апроприации духоборцами песен, созданных народниками и толстовцами, их переосмыслинию и функционированию в духоборческой среде в качестве *стихов*. Рассмотренные примеры раскрывают не только герменевтический потенциал и инструментарий исследуемой традиции, но и иллюстрируют динамику развития духоборческой традиции в целом, показывают ее включенность в социальные процессы второй половины XIX – начала XX в.

Замечания, которые следовало бы здесь перечислить, по большей части носят частный характер и не затрагивают общей концепции, подходов и методологии работы. Однако некоторые из них представляются существенными для разговора о диссертации.

Во-первых, в ряде случаев наблюдается некоторая непоследовательность и незавершенность в выработке терминологии. В своем рассуждении о фольклоре духоборцев С.Г. Тамбовцева неизбежно вынуждена оговорить базовые понятия фольклористического дискурса и обозначить приемлемые для нее рамки понятий «традиция», «фольклор», «религиозный фольклор». Определяя фольклор предельно широко (что само по себе нормально), С.Г. Тамбовцева отказывается от диахотомии 'религиозный – светский фольклор' и замечает: «Терминологизация понятия "религиозный фольклор" может нести в себе пресуппозицию разделения фольклора на религиозный и светский, что не соответствует нашему видению фольклора» (с. 22). Однако каково это видение – не объясняется, а в дальнейшем сама оппозиция все же сохраняется: «Остальных жанровых образований, не входящих в "богослужебную" традицию духоборцев, мы будем касаться в меньшей степени (из поэзии это песни, частушки, из прозы — былички)» (с. 31).

Во-вторых, стоило бы пересмотреть ряд формулировок в плане их точности и однозначности. Так, на с. 39 утверждается: «Итак, под религиозностью фольклора духоборцев в работе понимается усвоение идеи религии устной традицией в контексте Нового времени и выстраивание саморепрезентации в соответствии с ней». Но можно ли говорить об «усвоении» религии традицией, которая сама есть следствие определенного направления религиозной мысли. Разве «идея религии» внеположена рассматриваемой традиции, а не имманентна ей?

Неоднократно (с. 39, 42–43, 87, 107, 187) в работе проводится параллель между псалмами и стихами духоборцев и заговорами: «...в духоборческой культуре эти практики [практики грамотности – А.М.] получили развитие в фольклорном ключе — заговорная мнемоника для усвоения текстов, «риторический» и сатирический потенциал омонимии и паронимии, ресемантизация формул в новом ритуальном контексте» (с. 187). Однако суть сопоставления так и не разъяснена. Кроме того, остается неясным, в чем отличие «заговорной» мнемоники от любой другой формульной мнемоники.

Несколько произвольными выглядят и сами толкования де- и ресемантизованных формул духоборческих текстов, основанные на паронимических сближениях: выбор того или иного варианта сближения выглядит необоснованно, тем более что на нем основана дальнейшая интерпретация: «Этимология слова "дякорница" не поддается однозначной интерпретации. Однако оно вызывает ассоциации со словом "дьяконица", переосмысленным по устойчивой модели образования имен лихорадок. В качестве предположения можно было бы говорить о том, что в заговоре отразилась демонизация низшего духовенства» (с. 57).

Большой интерес представляет раздел первой главы, озаглавленный «Духоборческий катехизис как пародия», однако способ аргументации при характеристике тех или иных фрагментов духоборческих псалмов как пародийных оставляет желать большего: «Легко заметить, что ритмическая организация многочисленных фрагментов "вопросов и ответов" отнюдь не отсылает к ритму псалмов. Чаще всего встречается раешный стих, приуроченный, скорее, к фольклорной драме и смеховым жанрам» (с. 88). Здесь читатель ждет уж хоть какого сопоставления с соответствующими смеховыми текстами и разговора о принципах пародии, но, увы, не дожидается.

В-третьих, работа представляется перегруженной разного рода концепциями, предложенными различными учеными по самым разнообразным поводам и привлеченными С.Г.Тамбовцевой зачастую не вполне обоснованно. На с. 35–36 диссертант высказывает по поводу С.Е.Никитиной: «Хотя ... исследовательница и упоминает концепцию Фредерика Барта, обсуждая применение его концепции динамичности этнической самоидентификации к конфессиональной, впоследствии эти теоретические рассуждения остаются неиспользованными при анализе эмпирического материала». Ровно то же можно переадресовать и самой С.Г.Тамбовцевой, которая упоминает, например, концепции Мишеля де Серто, Кетрин Белл, Леонарда Примиано и др., но в дальнейшем в своей работе к ним не обращается.

С другой стороны, кажется не вполне обоснованным попытка применить концепцию легенды, сформулированную К.В.Чистовым, в сильно расширенном виде к анализу религиозного фольклора духоборцев. Фактически, в диссертации легенда объявляется базовой, если не единственной, и всеобъемлющей наджанровой и надтекстовой структурой, на которой базируется вся духоборческая традиция в целом. Таким образом, легенда становится универсальным обозначением для любого явления, относящегося к религиозной культуре духоборцев и «зонтичным» понятием для всей этой культуры в целом. В таком случае возникает вопрос о целесообразности использования этого термина в столь безгранично расширенном значении. Не следовало ли во избежание омонимии дать иное обозначение для вновь вводимого концепта? Вот примеры: «Легенда рассматривается нами как наджанровое явление — она позволяет собрать тексты в дискурс, подключить их к традиции. Бытование легенд в актуальных нарративах современных духоборцев в свернутой форме, не предлагающей экспликации — знак живой традиции. Потенциал их трансмиссии, однако, скорее формульный» (с. 188). В приведенной цитате подход к легенде еще лежит в русле жанровой системы, хотя она и называется наджанровым явлением. В основном же тексте работы «свернутой формой» легенды может быть объявлено абсолютно любое явление духоборческой культуры: «свернутыми легендами» названы

пророчества (с. 44), «псалмы, пародийный катехизис и ритуализованные формулы функционировали в духоборческом обиходе как неотъемлемая часть легенды — непроговариваемая, но разделяемая членами общины» (с. 42). О том же в тексте работы заявлено и эксплицитно: «Легенда послужила матрицей для духоборческой устной традиции» (с. 106).

В целом работа выглядит продуманной, взвешенной и неплохо выстроенной, основанной на хорошем материале и прекрасным знакомством с научной литературой по целому ряду затронутых в исследовании проблем.

По своей научной новизне, теоретической и практической значимости диссертация соответствует пп. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор С. Г. Тамбовцева, бесспорно, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Официальный оппонент:
Мороз Андрей Борисович,
доктор филологических наук,
профессор департамента истории и теории литературы
факультета гуманитарных наук
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"»
Почтовый адрес: 105122, Москва, Щелковское ш. 12-2-17
E-mail: abmoroz@hse.ru
+79067998398

15.08.2022

Собственноручную подпись _____ заверяю

